

САРА ЛЁВЕСТАМ

Сара Лёвестам
Сердце джаза

«РИПОЛ Классик»

2013

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

Лёвестам С.

Сердце джаза / С. Лёвестам — «РИПОЛ Классик», 2013

ISBN 978-5-386-14750-1

Джаз-з-з-з-з! Сумасшедший джаз, который никогда не умрет, «музыка черных», как презрительно его называли те, кому не повезло состариться раньше времени. Но, на минуточку, «черные» – это Дюк Эллингтон и Элла Фицджеральд, Луи Армстронг и Чарли Паркер, Майлз Дэвис и Сидни Бечет... Да, в Швеции тоже был джаз, а самая яркая звезда периода свинга – Повел Рамель. Поет он, конечно, на любителя, но настроение поднимает точно.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

ISBN 978-5-386-14750-1

© Лёвестам С., 2013
© РИПОЛ Классик, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сара Лёвестам

Сердце джаза

И только раз ты встретишь родственную душу

Hjarta av Jazz © by Sara Lovestam, 2013

By agreement with Pontas Literary & Film Agency.

© Крупенина М. И., перевод на русский язык, 2021

Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2022

Глава 1

Стеффи в восторге от «Задорного блюза». Она ложится на полосатое покрывало, закрывает глаза и растворяется в музыке. Все эти придурки постепенно исчезают в тумане, что ступил за окном.

А когда начинает импровизировать на гитаре шагающий бас, они и вовсе перестают хоть что-то значить для нее.

Она смахивает слезы, стекающие к вискам.

– Просто отмахнись от них, как от назойливых мух, – подпевает она Повелу Рамелю¹. Потом делает глубокий вдох, и теперь ей фиолетово на весь девятый «В».

Басист Рамеля наращивает темп. Это одно из самых сложных мест в композиции. Теперь все правила испаряются, и, кажется, можно отдаться музыке и играть все что заблагорассудится. Но она еще не решила, что именно.

Когда Стеффи наконец покидает свою комнату, никто и не замечает, что она плакала. Мама подает рыбу под белым соусом, папа расчищает место на столе, а Эдвин выбирает столовые приборы.

– Позовешь Джулию?

Дверь в комнату Джулии закрыта, и Стеффи входит без стука.

– Стучать не учили? – морщится Джулия. – Это моя сестренка-зануда, – говорит она кому-то в трубку. – Однажды ты вот так войдешь, и тебе не понравится то, что ты здесь увидишь, – это уже адресовано Стеффи.

Из телефона раздается смех.

– Пошли обедать, – зовет Стеффи.

– Только договорю.

– Она только договорит, – сообщает Стеффи родителям, и папа негодуя вздыхает.

Эдвин не хочет есть ни рыбу, ни картошку. Он размазывает соус по тарелке и, макая в него салат и помидоры, делает вид, что ест.

Борьба, чтобы заставить Джулию появиться за столом, перерастает в борьбу, чтобы убедить Эдвина съесть хотя бы кусочек рыбы.

– Тебе восемь лет, – вздыхает мама. – Не нужно оставлять ничего на потом. На одном соусе долго не протянешь, голова закружится.

Эдвин смеется.

– Вот так? – спрашивает он и вращает головой.

– Перестань паясничать, ешь давай.

Эдвин корчит недовольную гримасу. Появившаяся Джулия строчит эсэмэски. Стеффи съедает кусочек рыбы с картошкой.

– А ты представь, – говорит она Эдвину, – что картошка на вес золота.

Брат недоуменно смотрит на нее.

– Но ведь это же не так.

– По крайней мере, из всего, что есть в твоей тарелке, картошка больше похожа на золото.

Помидоры не потянут, да?

Эдвин цепляет кусочек картошки и проглатывает через силу:

– Золотом и не пахнет.

---

¹ Рамель, Повел Карл Хенрик (1922–2007) – культовый шведский музыкант и артист, пробовавший себя в самых разных стилях. – *Здесь и далее примеч. ред.*

– Это потому, что ты ешь только картошку. А если добавить немного рыбы, то будет вкуснее.

Папа с благодарностью смотрит на Стеффи. Мама спрашивает Джулию, где та купила тушь. Не получив ответа, интересуется школьными делами младшей дочери.

– Все хорошо, – говорит Стеффи.

Уплетая картошку с рыбой, она забыла о девочках из класса, но мама напомнила. Э... нет. Она отмахивается от неприятных мыслей, как от назойливых мух. Все в точности так, как в «Задорном блюзе».

– Приближается последний семестр, – говорит она. – И у нас будет какая-то проектная работа.

– Это интересно, – кивает папа.

– Что же тут интересного? – пожимает плечами Джулия. – Если вы не забыли, у нас тоже была проектная работа, когда я училась в девятом классе.

– Да, но... – говорит мама. – Здорово, Стеффи, что у вас она тоже будет. Ты уже определилась с темой? Или это решает учитель?

– Посмотрим, – отвечает Стеффи. – Не знаю еще.

Эдвин кладет локти на стол.

– Золотом. Здесь. И не пахнет.

Стеффи перестала навещать свою страницу в «Точке» – так называется сеть, где тусуются ее одноклассники. Но иногда все же заглядывает туда, чтобы посмотреть, что там происходит. Правда, потом приходится удалять чужие комменты и посты. Она старается даже не читать их, но не может устоять. Пытается не принимать близко к сердцу слова «шлюха», «лесби» и «вонючка», но у нее ничего не выходит.

Нет, она никогда не была шлюхой. Нет, она не припомнит, чтобы хотя бы раз была влюблена в девочку. И душ она принимает каждый день. Но при одном упоминании этих слов ее заполняет ощущение грязи. Может, удалить аккаунт, думает она в который раз. Ладно, потом, не сегодня.

Вместо этого она достает бас-гитару. На прошлой неделе Стеффи притащила к своему учителю «Задорный блюз». Они вместе пытались разучить его, хотя учитель странно на нее поглядывал.

– Шагающий бас, – пояснил он, – это плавный переход от одной ноты к другой через три ноты, которые выбираешь по желанию. С секундным интервалом, если сможешь.

Они репетировали, но у нее не выходило как надо. Это читалось во взгляде учителя. К тому же он предпочитает игру на классической гитаре и песни Бельмана².

У Стеффи получается лучше, когда она одна. Она переходит от А к D несколько раз, пробуя начинать с разных нот³. Морщится, когда кажется, будто звучит не очень, и начинает снова. Покачивает головой в такт и, когда получается, играет громче.

Потом она включает «Задорный блюз». Не обращая внимания на басиста, ведет свою партию, акцентируя первые ноты. Звучит вроде неплохо, но не так, как у басиста Повела. Сыграв восемь тактов, Стеффи выдыхается, поднимает руки и падает на кровать с гитарой на животе.

Стеффи слушает песню и отмахивается от навязчивых мыслей о «Точке», а заодно пытается представить что-нибудь хорошее. И ей снова становится легче.

---

² Бельман, Карл Микаэль (1740–1795) – шведский поэт и музыкант-любитель. Стихи он писал шуточные, в жанре «застольных песен», но жил, на минутку, в XVIII веке.

³ Предположим, у Стеффи четырехструнная бас-гитара. «Эталонный» строй у такой гитары E A D G (ми-ля-ре-соль).

Глава 2

Проектная работа будет посвящена углубленному изучению социальных или естественно-научных дисциплин.

– Но в прошлом году делали модный показ! – возражает Карро.

– Именно поэтому мы решили изменить принципы работы, – пустился в объяснения Шелстрём. – Это достойная практика перед поступлением в гимназию, где вы будете учиться самостоятельно. Не упустите эту возможность!

Карро манерно закатывает глаза. Стеффи терпеть ее не может, но в этот раз она права. К тому же Стеффи так надеялась продемонстрировать свою музыку.

– Проект можно готовить самостоятельно или в парах, – продолжал Шелстрём. – Если вы за последний вариант, составьте подробный план с пояснением, кто какую часть выполняет.

Девочки тут же тянут руки друг к другу, словно те у них намагниченные. Но к Стеффи это не относится, в ней магнетизма не больше, чем в деревянной дощечке.

– На следующей неделе нужно будет сдать планы проектов. Более подробную информацию найдете на портале. Это тоже часть задания – уметь читать инструкции и работать с ними. Вопросы?

Виктор поднимает руку.

– А контрольная будет?

По классу проносятся довольно громкие смешки.

Шелстрём по-прежнему невозмутим.

– Как я уже говорил, вся информация доступна на учебном портале. Вам нужно составить отчет с оглавлением и списком источников. Сами проекты будете представлять устно перед классом.

В дверях Стеффи сталкивается с Санджей. Карро – она тоже тут – берет Санджу под руку и наигранно втягивает в себя воздух.

– Посторонись, вонючка.

Санджа смеется и тоже морщит нос:

– Офигеть, а я ее даже не заметила.

– От тебя так несет, что даже хлорка не поможет, – бросает Карро Стеффи.

Санджа смеется, а Стеффи мгновенно ретируется. Она порывисто дышит и пытается переключиться на тему предстоящей работы. Но к горлу подступает ком. Лицо краснеет, глаза наполняются слезами. Стоит кому-нибудь заговорить с ней сейчас – и слезы прорвутся наружу. Опасаясь этого, Стеффи прощмыгивает в туалет.

Удивительно, но она выглядит не так уж ужасно, как представляла. Всмотриваясь в отражение, Стеффи заправляет за ухо выбившиеся волосы и пытается улыбнуться.

Нет, она никогда не позволит им увидеть ее слезы. Нетрудно представить, как они будут смеяться, показывать на нее пальцем и говорить: «Шлюха плачет».

Только через ее труп!

Стеффи спускает свои невеселые мысли в унитаз и выходит из туалета.

Пока она идет домой, в ее MP3-плеере звучит Повел. Знакомые ноты мелодии открывают перед ней другой мир, где Карро – лишь пустышка.

Наушники согревают уши, пока Стеффи идет в такт музыке. Звучит «Сумасшедший дом». И она идет, покачиваясь, когда время от времени музыка перерастает в регги. Затем

черед «Смотри, снег идет», и в голове Стеффи проигрывает вступление еще до того, как оно действительно начинается.

Ее шаги становятся легкими, она не идет, а летит, как пушинка. И быстро шевелит губами, стараясь не потерять такт. Но все равно слышит лишь обрывки из того, что с молниеносной скоростью поет Повел: «Смотри, снег идет; лошадь жует; все кружит; все горит; сани бегут, в снежный ком попадут».

Она знает текст наизусть, но до этого ушла целая вечность, чтобы разобрать его. Слова проносятся как в вихре. К тому же большинство песен Повела Рамеля даже не выложены в Сеть.

Однажды в пятом классе Стеффи исполняла «Я балдею от тебя» на уроке музыки перед сорока парами очумевших глаз. Учительница пыталась было объяснить, что на самом деле это первый шведский рэп от восходящей звезды Повела Рамеля. Восходящей? Впрочем, училка плохо разбиралась во всем этом и даже произносила «рэп» как «реп».

На полпути домой зарядка садится. Стеффи останавливается и встряхивает плеер. Далеко не всегда, но это помогает заполучить еще минут десять. Несколько секунд ей кажется, что она вновь слышит музыку, но стоит надеть наушники – и все пропадает. Она повторяет уловку и, пока встряхивает плеер, слышит, как где-то звучит «Где мыло?». В изумлении она хмурится: песня явно доносится не из ее наушников.

Рядом никого нет, фонари дарят свет только ей одной. Вокруг тишина, слышна только тихая мелодия, и она отчетливо разбирает слова: «Я все еще ищу, а мыла никак не найду».

Стеффи не сходит с места на протяжении всей песни и даже пару раз подносит плеер к ушам – хочет удостовериться, что звук действительно исходит не оттуда.

Потом снова тишина, лишь охапка снега падает с дерева. Стеффи уже собирается идти дальше, как внезапно начинается «Джаз атакует».

Стеффи оборачивается. Смотрит сначала налево, затем направо, чтобы определить, где это играет. В нескольких метрах от дороги стоит дом. Кажется, песня звучит с той стороны.

Она оставляет за собой едва заметные следы на снегу. Когда Стеффи подходит к дому, из приоткрытого окна доносятся сначала приглушенные, а затем более отчетливые звуки контрабаса и кларнета.

Да, музыка играет здесь, в этом нет сомнений.

Стеффи слышит неповторимый тенор Повела Рамеля, растворяющийся в февральском воздухе. Ей кажется, что все это происходит как во сне.

Звуки кларнета, достигнув кульминации, стихают.

Где-то рядом ветер качает еловые ветви, темное небо, кажется, вот-вот коснется ее головы, а дом постепенно погружается в темноту.

Внезапно в окне раздается какой-то шум, и Стеффи отпрыгивает как ошпаренная.

Она слышит голос, совсем не похожий на голос Повела, и в оконном проеме появляются очертания головы. У Стеффи появляется желание убежать, но она застывает в ступоре.

– Ответь, – говорит кто-то из окна.

Стеффи по-прежнему стоит как вкопанная, не находя слов. Ей нужно слотнуть, прежде чем она сможет хоть что-то сказать.

– Что? Я не слышала, о чем вы спросили...

– Тогда повторяю. Зачем ты стоишь тут?

Стеффи задумывается на мгновение. Зачем люди обычно стоят под чужими окнами?

– Мне показалось, что я слышала Повела Рамеля.

Окно отворяется настежь, и Стеффи отчетливо видит своего собеседника: он почти полностью лысый, у него вытянутое лицо и узкие скулы. На лице выделяются белые кустистые брови, и такие же волоски выбиваются из ушей. Губы расплываются в удивленной улыбке.

– Тебе не показалось, потому что это действительно Повел Рамель.

Стеффи в изумлении смотрит на человека в окне. Он стар. Не так, как ее бабушка и дедушка, которые только-только вышли на пенсию, а скорее как те морщинистые старики, что часами сидят в поликлиниках.

Мужчина почтенных лет слегка прикусывает губу и говорит:

– А ты знаешь, когда он записал песню, которая звучала?

У нее учащается сердцебиение, как бывает, когда учитель задает вопрос, на который хорошо знаешь ответ. Но это не в счет. Тем более что сейчас она стоит в снегу и ее спрашивают о Повеле Рамеле. И она уверенно отвечает:

– В сороковых.

– Да, это было в сороковых. Если быть точным, в сорок шестом году. Каспер Хюкстрём играл на кларнете. Но я думал о другом.

– О чем же тогда?

Тишина. Она смотрит в окно, ожидая, что этот человек вот-вот исчезнет из виду, испарится, словно джинн в лампе. Но старик вытягивает шею. Из окна виден его профиль. Густые брови вопрошающе взмывают вверх.

– Ты предлагаешь мне подхватить пневмонию или наконец представишься, как подобает порядочному человеку?

Дверь со скрипом открылась. В коридоре пахнет старым мылом и пластиком. Это не частный дом – здесь расположен дом престарелых «Сольхем». Стеффи стоит в нерешительности. Справа на стене висит картина с домиком в лесу. Слева – настенный коврик с каким-то религиозным сюжетом. Она осматривается и подтягивает вечно сползающий с плеча ремень школьной сумки.

В длинном коридоре открывается еще одна дверь. Старик ненамного выше ее, но, вполне возможно, был выше в молодости. Стеффи пожимает худую руку, холодноватую и сухую на ощупь. Но его рукопожатие сильнее, чем она могла предположить.

– Альвар Свенссон.

Она на мгновение задумывается, стоит ли представиться полным именем – Стефани? Или, если на то пошло, придумать себе какое-нибудь имя? Но она такая, какая есть.

– Стеффи Эррера.

В комнате Альвара Свенссона стоят кровать, клетчатое кресло, два стула, стол и огромная книжная полка. Он садится в кресло, которое напоминает складную линейку. Кивком указывает Стеффи на стул, и она присаживается.

За окном совсем стемнело. И отсюда то место, где она совсем недавно стояла и слушала музыку, выглядит каким-то другим.

– Совсем не это меня заинтересовало, – говорит Альвар и откидывается назад, так что кресло заскрипело. – Не Хюкстрём, играющий на кларнете. То, что занимает меня, скрывается под именем Анита Бергнер. Ты, вероятно, никогда не слышала композицию «Послание от Фрея»?

Стеффи едва сдерживается, чтобы не рассмеяться. Этот забавный старичок, так хорошо знакомый с творчеством Повела, явно недооценивает ее. Она испытывает желание воспроизвести тот самый фрагмент, в котором вдохновленная женщина начинает тархтеть без умолку о том, что пишет ей Фрей. Но она не решается.

– «Твоя откровенная близость соблазнительна, – цитирует она вместо этого. – И огонь моей страсти так губителен». – И напевает оставшиеся слова, немного не попадая в ноты.

– Да, именно так, – говорит Альвар с нескрываемым удовольствием. – Может быть, ты уже чувствовала нечто подобное.

Он говорит это не вопрошающе, а утвердительно, вероятно предполагая, что с ней уже могло произойти нечто похожее.

– Я встретил ее у студии, где Хюкстрём играл на кларнете.

Стеффи повторяет его слова про себя.

– Правда? – спрашивает она.

– Разве я не говорил, что меня наняли для записи? Нет, я забыл упомянуть об этом. Все это было в Стокгольме.

Она смотрит на сидящего в кресле человека, бывавшего в Стокгольме и, возможно, знавшего кларнетиста самого Повела Рамеля. Уж не из Стокгольма ли он родом? Если так, то почему у него другой говор? Но она полагает, что об этом невежливо спрашивать.

– Туда стоило попасть, – продолжал Альвар, – чтобы хотя бы взглянуть на пластинки.

Он приподнимается, держась за подлокотник кресла, и достает плоский ящик с книжной полки. Кивком подзывает ее подойти ближе.

– Это из концертного зала в Стокгольме. Студия «Одеон».

Стеффи рассматривает выцветший, немного напоминающий тарелку конверт для пластинок. Отверстие посередине открывает взгляду имя Повела Рамеля, написанное витиеватым почерком.

Граммфонная пластинка того времени... Это кажется нереальным, и все же это происходит на самом деле.

– Я не мог удержаться, – продолжает Альвар и протягивает ей пластинку в футляре.

На ощупь бумага грубая. На мгновение Стеффи, кажется, чувствует воссоединение с прошлым, но тут на фоне свинга, исходящего из граммофона Альвара, раздается телефонный звонок. Из ее телефона играет мобильная версия «Задорного блюза».

Альвар вздрагивает, оглядывается по сторонам и смеется, увидев телефон у нее в руках.

– Джаз атакует.

Стеффи улыбается.

– Или блюз. А на самом деле семья. Скорее всего, папа хочет знать, где я нахожусь.

Альвар кивает, и она замечает, какие у него большие уши. Такое ощущение, будто он приобрел их в маскарадной лавке.

– Как-нибудь я расскажу тебе всю историю, если захочешь.

Наверное, существует какая-то общепринятая форма вежливого ответа для таких случаев, но Стеффи позабыла о ней и попросту ответила:

– ОК.

«Можно было и остаться», – думает она, заходя домой.

– АДМИРАЛ! – кричит Эдвин и поднимает палку с желтым флагом, продолжая свою игру.

Стеффи не отвечает, и брат марширует с поднятым флагом в сторону кухни и обратно.

Она снимает обувь. Могла бы сказать, что задержалась в школе, занимаясь музыкой, – отличная отговорка. Жаль, не пришло в голову раньше.

– Привет, Стеффита, – говорит папа и похлопывает ее по плечу, а мама просит помочь на кухне.

– Джулия тоже может это сделать, – отвечает Стеффи и в то же мгновение замечает еще одну пару туфель. Теперь уж точно не отвертеться.

– Фанни здесь, – поясняет мама.

Когда Фанни навещает в гости, это все равно что две Джулии в одной комнате. А еще это как заезженная пластинка, потому что они неустанно болтают об одном и том же, когда подслушиваешь их разговоры под дверь. Они говорят, например, о том, какими идиотками

могут быть некоторые девчонки, или как избавиться от нежелательных волос, или о симпатичных парнях из старших классов.

– Боже, я просто не выношу мальчиков из нашего класса. Они как дети, а мне нужен настоящий мужчина, – скажет Фанни, и Джулия тут же согласится:

– Мы, девочки, взрослеем быстрее ...

Рассматривая свое лицо в зеркале, Джулия размышляет, стоит ли вколоть ботокс, чтобы устранить морщинку под глазом.

– Это все потому, что ты куришь, – упрекает ее Фанни.

И тут они обе начинают хихикать в манере, которую Стеффи просто терпеть не может. Даже подслушивая их, можно умереть со скуки.

И такой же бред Джулия заносит в свой дневник.

– Как дела в школе? – спрашивает папа.

В голове Стеффи проносятся образы: Карро и Санджа, вонючка и туалет, дорога домой, песня из ниоткуда и пожилой лысый мужчина в окне. Перед глазами пластинки на полке за клетчатым креслом.

– Нам сказали выбрать тему для работы над проектом.

Входит Эдвин. Он сменил флаг на золотую саблю.

– Гвардия! Дуэль! Что на обед?

Глава 3

– Кевин, Лео, Ханнес, – считает Санджа, не замечая Стеффи.

Стеффи сидит на скамейке подальше от других, повернувшись к ним спиной и сосредоточив внимание на своей майке. Побывать здесь одной – как глоток свежего воздуха.

– Кевин, Ханнес, Лео, – возражает Карро. – Ханнес стал намного симпатичнее, когда постригся, а от Лео постоянно несет потом.

– Это потому, что он качается.

– Это ничего не меняет.

– Но он ведь хорошо выглядит, да?

– Вот поэтому он третий. Ты что, его хочешь?

Санджа делает вид, что шлепает Карро полотенцем. Стеффи наблюдает за ними через настенное зеркало.

У нее в голове крутится «Послание от Фрея». Хит из семидесятых идеально описывает влечение Санджи к потному Лео. При этой мысли Стеффи улыбается.

Из Санджи и Карро получился бы неплохой дуэт. Санджа пропела бы первой: «Твой нос чересчур чувствителен», а Карро ответила бы: «Твой рот уж слишком язвителен». Затем они захихикают в стиле Венке Мюре⁴ и продолжают трепаться дальше.

Стеффи не могла припомнить, о чем конкретно пела Венке, но наверняка о чем-то божественном.

– Постой-ка, – раздается голос рядом, и воздух становится густым. – Кажется, эта шлюшка смеется над нами.

Стеффи переводит все свое внимание на одежду и пытается сообразить, что еще осталось надеть.

Брюки на ней, телефон в кармане, а рядом на скамейке, к несчастью, лежат носки.

На последнем уроке Стеффи все еще чувствует, что ноги мокрые, несмотря на то что она выжала носки и даже подержала их три минуты под сушилкой для рук.

На полпути домой ноги замерзают до боли. Она останавливается, снимает носки, затягивает шнурки потуже и идет дальше в ботинках на босу ногу.

Проходя мимо дома престарелых, она замечает, что в комнате Альвара темно. Ставит плеер на паузу, но ничего не слышит. Музыка не звучит.

Ноги превращаются в глыбы льда. Пройдя еще несколько метров, Стеффи оборачивается и замечает, что свет все-таки зажегся, но она уже не может вернуться.

В том, что Кевин самый красивый из парней, нет сомнений. Это факт, и его невозможно отрицать.

Стеффи задумывается об этом. Да, надо признать, симпатичные парни и правда есть. Но у Кевина все же маленькие глаза и вечно опущенные уголки рта. Или она просто не способна видеть что-то хорошее в людях? Кое в чем Карро и ее свита все же правы – она не от мира сего.

Уже почти у дома Стеффи чувствует, что ботинки натерли ноги. Она задерживает дыхание, чтобы не застонать. Бывали времена и похуже. И это еще один повод разучить, как Венке Мюре делает вибрато.

Ноги красные в подъеме, а пальцы на ногах белые. Ступни покалывает. Стеффи надевает шерстяные носки, которые вытащила из комода, и кричит:

– Дома есть кто –нибудь?

---

⁴ Мюре, Венке (род. 1947) – норвежская певица и актриса.

Никто не отвечает, но, кажется, в комнате Джулии раздается какой-то шорох. Писк или вздох – звук вполне себе человеческий. Дверь приоткрыта. Стеффи заглядывает внутрь и видит Джулию, неподвижно лежащую на животе в постели. Внезапно Джулия протяжно всхлипывает, а затем порывисто выдыхает. Стеффи стоит с открытым ртом: старшая сестра плачет. Спина сотрясается от рыданий так, что к глазам невольно подступают слезы. Она хочет спросить, что случилось, но ведь это Джулия.

Стеффи икает, Джулия тут же поворачивается и смотрит ей прямо в глаза.

– Что ты здесь забыла? – шипит она.

– Я только...

– Какого черта ты смотришь? Вали отсюда и закрой дверь!

– Что... что такое...

Джулия садится в постели. Ее глаза красны от слез, злые и некрасивые.

– Вали, я сказала!

За ужином Джулия уже в норме. Она делано закатывает глаза, когда папа излагает свою теорию, связанную со словом «происхождение».

– Тут все завязано на «исхождении», – настаивает он, смеясь. – Я так часто произносил это слово и никогда не задумывался о его тайном значении, пока не записал на бумаге. Вот тогда-то на меня снизошло озарение. Это же логично!

– А что такое происхождение? – спрашивает Эдвин, и папа пускается в длинные объяснения.

По пути к цели он упоминает и Пеппи Длинныйчулок, и древние песни Сив Мамльмквист, от которой переходит к ее индийским предкам⁵.

Стеффи ест рыбные котлетки и старается не смотреть на Джулию. Даже и не скажешь, что она плакала. Сестра трясет волосами и красит губы блеском. В глазах ни намек на слезы, даже тушь не размазана. Она снова готова обсуждать двадцатилетних парней с Фанни, и ее не устраивают прошлогодние туфли.

Мама спрашивает, как все прошло в школе. Стеффи запикивает в рот котлету и кивает вместо ответа.

За окном кромешная тьма.

Вечером она приступает к делу. «Хо-хо-хо», – имитирует Стеффи и пытается сделать голос охрипшим, чтобы казалось, будто смешки исходят из горла.

«Хо-хо-хо», – шепчет Венке на шведском с норвежским акцентом.

«И огонь моей страсти так губителен», – подпевает Стеффи.

После двух куплетов она протяжно поет «О-о-о» вместе с драматичным дуэтом Венке Мюре и Повела Рамеля. А вибрато не так уж сложно сделать, это же не рифма.

Разучив часть, Стеффи достает гитару. Пом, *подом* – звучит квинтаккорд. Пом, *подом* – и Стеффи хихикает, как счастливая дамочка, получившая послание от Фрея.

Носки сушатся на батарее, вода из школьного толчка медленно испаряется. Приятный голос Повела сменяет на диске голос Венке. Чудесные слова и такая же музыка.

---

⁵ Мальмквист, Сив Гуннел Маргарета (род. 1936) – шведская актриса и певица, пережившая свои даже не минуты, а часы славы в 1960–1970-х годах. Ее песни попадали не только в шведские хит-парады, но были популярными и в других странах. В 1964 году она первой из шведов, раньше группы ABBA, попала в американский *Billboard Hot 100*. Относительно ее индийских предков – это сугубо личное предположение папы Стеффи.

Глава 4

По дороге в школу Стеффи снова слышит музыку. Может, это знак, потому что первый урок – биология. Но может, это только игра ее воображения – так бывает, когда отличить иллюзорное от действительного не очень-то хочется.

Окно Альвара между тем открыто, и ей кажется, что она видит его лицо.

Стеффи слегка толкает дверь, и та открывается.

Биология обычно невыносима. Когда Гуннел вышел на пенсию, ему на замену пришла зеленая выпускница университета. Свою карьеру она начала с определения популярности учеников. Потом занялась худшими и возглавила проектную работу. Вероятно, ей хотелось закрепиться в школе, и она добилась своего.

Но Стеффи не проведешь, биологичка ее невлюбила. Надо видеть, как эта Камилла улыбается, когда Карро начинает издеваться над Стеффи. А когда она объясняла дарвиновскую теорию о происхождении видов и выживании сильнейших, эта теория становилась подозрительно близкой к тому, что происходило у них в классе. На уроках биологии Стеффи упорно смотрела в книгу, чтобы Камилла не прочла ее истинные мысли в глазах. Биология и сейчас просто невыносима, а в феврале они, для полноты ощущений, приступят к теме половых отношений и сожительства.

Стеффи крадется по пустому коридору, как грабитель. Еще до того, как она подходит к двери Альвара, за поворотом показывается медсестра. От неожиданности Стеффи икает, и медсестра останавливается.

– Извини? – говорит она и смотрит на гостью.

– М-м-м ... – произносит Стеффи.

Она, возможно, могла бы сказать что-то более внятное. Она ведь наизусть знает лирику Поведа Рамеля на первом и втором компакт-дисках, уж могла бы что-то выдать.

– Кого ты ищешь? – спрашивает медсестра. Ее голос кажется резким, а лицо в обрамлении прямых блестящих волос – холодным.

– Альвара, – выдыхает Стеффи.

Альвар широко улыбается, когда Стеффи заглядывает в его комнату.

– Да, конечно, – отвечает он медсестре на вопрос о том, действительно ли Стеффи пришла увидеться с ним. – Я как раз думал о том, когда мисс Стеффи Эррера заглянет ко мне...

– Так на чем мы остановились? – спрашивает он, когда дверь закрывается.

Стеффи отвечает одним махом:

– «О, мой дорогой, в этом мире только ты, ты один существуешь для меня. Каждая твоя черта – это чудо в миниатюре, созданное богами. Я боготворю твою изящную гладкую шею, милые ямочки на коленях, золотистый пушок в твоих очаровательных подмышках. О, я только и мечтаю о том, когда смогу обнять, поцеловать, приласкать тебя, о-о-о...»

Получилось не совсем так, как когда она разучивала песню дома. Теперь ее речитатив больше напоминает скороговорку.

Альвар смотрит на нее, будто бы переваривая все сказанное.

– Моя изящная гладкая шея, очевидно, была длиннее в те золотые времена.

Стеффи краснеет.

– Ну, м-м-м ... – говорит она и вздыхает на манер Джулии.

Правда, вздохи Джулии всегда звучат так, будто исходят из глубины ее раздраженной души, а у Стеффи они демонстрируют смущение.

– Это из песни «Послание от Фрея», – поясняет она.

Альвар смеется.

– Милые ямочки...

Он садится на кровать, все еще смеясь, а его взгляд бродит по стене.

– Когда дело касается описания чуда любви, у Повела особо нечего позаимствовать.

Пока взгляд Альвара продолжает блуждать по стене, Стеффи какое-то время думает о радости любви. На самом деле она об этом почти ничего и не знает, за исключением того, что описывает Повел.

– Но об этом можно судить по – разному, – продолжает Альвар. – Одна печальная версия гласит, что Повел так и не испытал радости любви, а потому не смог описать ее как следует. Другая – что он, наоборот, был слишком хорошо знаком с этим чувством и из-за этого тоже не смог нормально все описать.

Альвар смотрит на Стеффи так, будто она понимает, что он имеет в виду. Взрослые обычно так не смотрят. Обычно приходится слушать их и делать заинтересованный вид, надеясь, что они скажут что-то стоящее. Но, как всегда, ничего стоящего они не говорят.

– Повелу удалось сохранить секрет своей любви при себе. А мы можем лишь сидеть и гадать, что он чувствовал. Вероятно, он этого и добивался, – заканчивает свою мысль Альвар.

Стеффи садится в кресло. Где-то в глубине души проносится мысль, что она сейчас должна быть на уроке биологии. В комнате Альвара пахнет мылом и старым граммофоном. Этот запах притягивает.

– Я ничего не знаю о радости любви, – говорит она.

Альвар втягивает носом воздух, прежде чем ответить.

– У тебя, вероятно, есть мама и папа, которые тебя любят.

– Да.

– Тогда ты уже кое-что об этом знаешь. А остальное придет со временем.

– Может быть.

– Будет, будет. Сколько тебе лет, Стеффи Эррера?

– Пятнадцать.

– Пятнадцать лет. Да, как и любой другой возраст, это хороший возраст, чтобы познать любовь и ее чудеса. Я рассказывал тебе об Аните?

– Не особо много.

– Что-то припоминаю... Но ведь я рассказывал тебе о Стокгольме?

– Ты лишь говорил, что ездил туда и что там была Анита.

– Значит, я не рассказывал, как все произошло.

– Нет.

– Мгм .... Я был еще мальчишкой, когда отправился в Стокгольм. Это было в сорок втором году.

Альвар был еще мальчишкой, когда сел на поезд до Стокгольма. Шел 1942 год. В то время добираться куда-то на поезде было весьма опасной авантюрой. Мать предупреждала его, что в поездах перевозят оружие и оно может взорваться в любой момент. Да и немцы могут затаиться где-нибудь в товарняке и схватить первого попавшегося путешественника, который сел не в тот поезд и не в то время⁶. Чем больше мама говорила о поездах, тем больше они представлялись Альвару железными чудовищами и тем больше он убеждался, что должен ехать именно поездом. Стокгольм притягивал его, словно магнит.

Ростом он был уже выше своего учителя и довольно долго играл на отцовской гитаре – играл до тех пор, пока она не пришла в негодность. В общем, он решил, что его время пришло.

---

⁶ Здесь нужно пояснить, что, хотя Швеция придерживалась политики нейтралитета во Второй мировой войне, когда немцы запросили разрешение использовать шведские железные дороги для переброски войск в Норвегию, такое разрешение было дано. Вот почему мама Альвара боялась немцев, да и не только она.

– Не ищи смерти, – строго сказала ему мать. – И покончим на этом.

Тогда он отправился к отцу. Отец был человеком, который обладал здравым смыслом и мог принять разумный аргумент с его стороны.

– Я даже никогда не слышал, как звучит настоящий кларнет!

Отец хмыкнул и почесал подбородок.

– Ну что я буду здесь делать? – настаивал Альвар. – Работать в лесу, когда мой внутренний голос говорит мне, что я создан для чего-то большего?

Его реальный голос немного дрогнул на этих словах, но это можно было списать на эмоциональность, а не на юношескую незрелость.

Отец все еще почесывал подбородок. Это был хороший знак.

То, что Альвару наконец разрешили поехать в столицу, было связано с рядом успешных факторов: во-первых, Вермланд, где они жили, находился достаточно близко к оккупированной Норвегии, откуда немцы могли нахлынуть с той же вероятностью, как и выскочить из товарного поезда; во-вторых, у его матери в Стокгольме была престарелая тетка; в-третьих, Альвар так забарабанил все предметы в доме, что даже его здравомыслящий отец уже не мог этого выносить.

Альвару пришлось пообещать, что он будет вести себя тихо в доме тетушки. И он заверил, что в случае необходимости свяжет себе руки и заткнет рот кляпом. Тогда мама сдалась.

Знакомство со Стокгольмом Альвар начал уже в вагоне поезда.

Там были вагоны первого, второго и третьего классов, и он, конечно, ехал в третьем, украдкой разглядывая сидящих напротив него на деревянных скамьях пассажиров.

Мужчина с каким-то непонятным футляром, военный с перевязанной рукой на ремне, светловолосая девушка примерно его, Альвара, возраста и женщина средних лет, крепко державшая за руку девушку. Было видно, что она пытается сдерживать гнев, но ей это не особо удавалось.

– Реви, если хочешь, – шипела она, – но не забывай, по чьей вине мы тут оказались.

Девушка прикусила губу, не отрывая взгляд от пола. Напряженные плечи и побелевшие костяшки пальцев свидетельствовали о глубоком отчаянии.

Альвар сглотнул, попытался посмотреть на что-нибудь еще, но его постоянно тянуло к грустному лицу. Если бы он мог хоть что-нибудь сделать... Но он не умел утешать девушек.

Внезапно она взглянула на Альвара, и у него так перехватило дыхание, что он аж закашлялся. Чтобы отвлечься, начал барабанить пальцами по коленкам. Все быстрее и быстрее, в такт ускоряющемуся поезду, пока чья-то сильная рука не перехватила его руку, удерживая ее в воздухе. Пассажиры на соседних скамейках удовлетворенно закивали.

– Ты же еще не старик, – сказал мужчина напротив него.

– Мне семнадцать.

Альвар сказал это громко, чтобы девушка услышала. Семнадцать – не слишком впечатляющий возраст. И все же его можно уже назвать мужчиной, а не мальчишкой. Блондинка наверняка бросила на него быстрый взгляд, хотя он в этот момент не смотрел на нее.

Альвар совершил большую ошибку, попытавшись представить ее ноги под юбкой, потому что после этого с трудом пытался сдержать свою «мужественность» под штанами.

Человек с необычным футляром спросил, куда он едет, и голос Альвара дрогнул, когда он произнес:

– В Стокгольм. Я буду искать работу и заботиться о родственнице матери, но на самом деле...

Пара человек взглянула в его сторону. Сам он старался не смотреть на девушку, чтобы сохранить голос твердым.

– На самом деле я направляюсь в Стокгольм, чтобы играть свинг⁷.

Послышалось фырканье, но мужчина с футляром лишь ухмыльнулся.

– Свинг, говоришь? Да уж. Некоторые отправляются в столицу, чтобы найти девушку, кто-то – свой хлеб. А избранные, к коим ты себя причисляешь, за свингом.

По вагону прокатился смех. Альвар тоже засмеялся – а что ему оставалось делать?

– Ваш последний шлягер прошел на «ура», – подмигнул собеседник, поддразнивая Альвара.

– «Как ваши дела, мистер Свинг?» – напел Альвар в ответ дрожащим голосом и тут же услышал, как подключился кто-то еще.

Песня скоро утихла, так как почти никто не знал слов. Но мелодия, прозвучавшая в вагоне, воодушевила его, и он даже осмелился взглянуть наконец на светловолосую девушку. Женщина крепко сжимала ее плечи, они обе молчали.

Мужчина с футляром не терял интереса к Альвару. Через пару километров он снова наклонился вперед, опираясь локтями на колени.

– А по тебе сразу и не скажешь, что ты любитель джаза.

– И слава богу, – вставила женщина, сидящая рядом с Альваром.

«Любитель джаза», – повторил про себя Альвар. Перед такой красивой блондинкой звучит неплохо, но «по тебе и не скажешь» сразу опускает на землю.

– Я сам по себе, – сказал он, надеясь, что это сойдет за уместный ответ.

– И как же тебя величать?

– Альвар Свенссон из Бьорке.

Он протянул руку. И тут же решил, что в следующий раз, если кто-то спросит, не будет называть своего места жительства.

– Если хочешь сохранить доброе имя, советую тебе поостеречься свинга, – сказала женщина справа.

– Что вы имеете в виду? – спросил мужчина с футляром, голос его чуть напрягся.

– Ну, я уже по вашему футляру вижу, что вы из этих, – ответила женщина. – Порядочные люди с ужасом наблюдают, как этот ваш джаз подрывает целое поколение. Нет, паренек, найди-ка ты работу в Стокгольме и позаботься о родственнице. Пусть твои родители гордятся тобой, ты ведь этого хочешь, не так ли? – Ее взгляд не оставлял ни малейшей надежды.

Она упомянула футляр? Футляр и правда необычный – узкий, продолговатый и с пряжкой на ручке.

Ну и что в нем?

Мужчина улыбнулся и открыл футляр, даже не взглянув на Альвара. И Альвар почувствовал, как учащается пульс. Было неприлично вытягивать шею, но он не мог контролировать себя.

В футляре поблескивали части музыкального инструмента. Мужчина достал насадку и прижался к ней губами, продувая. Затем положил насадку на место, закрыл футляр и затянул пряжку.

Альвару показалось, будто врата рая закрылись. Он попытался перехватить взгляд мужчины, но тот сидел и с невозмутимым видом смотрел в окно.

– Это кларнет? – наконец спросил Альвар, хотя и так знал ответ.

Мужчина повернулся к нему.

– Да, кларнет. Этот я беру с собой, когда нахожусь в дороге.

Альвар смотрел на него во все глаза. Значит, у него дома есть другой кларнет, а это говорит о том, что он музыкант. Остальные пассажиры, вероятно, посчитали так же.

---

⁷ Свинг (от англ. *swing* – «раскачка») – направление джазовой музыки, появившееся примерно в 1920-х годах в США и быстро ставшее популярным.

– Сыграйте что-нибудь для нас! – попросила светловолосая девушка, игнорируя суровый взгляд спутницы.

Мужчина засмеялся, отнекиваясь, но было видно, что ему польстил ее интерес.

– Ну ладно, раз просит такая красотка, – сказал он, подмигивая одновременно нескольким женщинам в вагоне, и те, кто сидел поближе, прикрыли рот рукой, подавляя смешки. Потом он ловко сложил инструмент.

– Мне понадобится ритм, – обратился мужчина к Альвару. – Примерно такой. – Он задал довольно простой ритм.

Было что-то примечательное в том, как он выстукивает ритм, по сравнению с музыкантами в Бьорке. Изюминка заключалась в движении его локтей. Альвар попытался повторить, потом ускорил темп. И вот мужчина поднес к губам кларнет.

Альвар никогда прежде не слышал такой музыки. Возможно, это была импровизация. Кларнетист свободно переходил от мелодии к мелодии, от ритма к ритму. Что-то подобное иногда передавали по радио. Это был джаз.

Хлопки Альвара раздавались в унисон с музыкой, и он чувствовал, что его локти раскачиваются так же, как у музыканта. Играла настоящая музыка, пока пейзажи Швеции быстро сменяли друг друга за окном.

Девушка улыбалась и ритмично двигалась в такт музыки, не сводя глаз с кларнетиста. Даже крепкая хватка женщины не могла помешать ей.

– Это была Анита?

– Кто?

– Та девушка в поезде.

– Нет, это была другая девушка.

– Почему тогда ты рассказал мне о ней?

– То, через что ей пришлось пройти, просто ужасно. Оставить своего новорожденного ребенка дома в Вермланде, чтобы уберечь семью от сплетен.

– Ты не рассказывал об этом.

– Мы еще не добрались до этого момента. Скажи, а ты видела настоящий кларнет?

Стеффи кивает.

– В школе.

– В мое время об этом можно было только мечтать. Мне тогда было семнадцать лет, и я до этого никогда не видел кларнет. Впустить джаз в школу, в которую я ходил, было бы...

Он начинает смеяться, даже не закончив мысль.

– Слава богу, что времена меняются. А твоя школа... ты наверняка ходишь в школу?

Стеффи снова кивает. Скоро обед, урок биологии окончен, и всем выжившим, наверное, дали домой презервативы, чтобы пофилософствовать.

– Начало уроков в половине второго, – лжет она.

В школе презервативов, конечно, никто не выдавал. Судя по тому, что краем уха слышит Стеффи, класс разделили на команду мальчиков и команду девочек, и на следующей неделе они будут говорить о том, что понимается под словами «хорошая девушка» и «хороший парень». Она сразу решает не приходить.

После урока математики Стеффи спешит в музыкальный класс. Йеркер обычно остается там еще какое-то время, и можно прийти и повозиться с каким-нибудь инструментом. Сегодня он собирает ударные.

– Подай маракасы, – обращается Йеркер к Стеффи, и она подает их.

Затем она спрашивает о кларнете. Йеркер выглядит сбитым с толку, но все-таки достает кларнет из шкафа и говорит, что Стеффи может позаимствовать его не больше чем на пять минут.

«Ты управляешься так умело со своим маленьким кларнетом», – поет Повел Рамель у нее в голове.

Инструмент выглядит не очень. Вероятно, некоторые использовали его, чтобы бить одноклассников по голове. А как еще объяснить вмятины тут и там? Но Стеффи думает еще кое о чем. Ей хочется представить, как мог выглядеть тот кларнет, который увидел мальчишка в поезде.

Когда она дует, не раздается ни звука. Йеркер советует ей смочить мундштук, сжать губы и подуть сильнее.

Тогда и появляется звук. Ничего общего с Арне Домнерусом⁸, но все же чистый звук.

«Как вопль в мелодии», – думает она и быстро нажимает на несколько разных кнопок. И в самом деле как крик больного животного.

Йеркер стоит с ключом в руке.

– Хочешь взять?

– А можно?

– Оставь залог и никому ни слова, что я дал его тебе, – подмигивает он.

Иногда везет.

Всю дорогу домой Стеффи идет со скрещенными пальцами. На удачу, чтобы никто из класса не увидел ее с кларнетом. Иначе будет трудно объяснить Йеркеру, почему кларнет «сломался». Да и в этом случае он никогда больше не одолжит его.

Проходя мимо дома престарелых, Стеффи думает о том, что было бы неплохо заглянуть к Альвару и показать ему инструмент. Но лучше все-таки сначала научиться на нем играть.

---

⁸ Домнерус, *Свен Арне* (1924–2008) – шведский джазовый саксофонист и кларнетист, работал в том числе и с Повелом Рамелем.

Глава 5

Стеффи знает две вещи о своей внешности: что она уродка и что она милая. Первое утверждение – абсолютная истина в школе, а значит, и в мире. Второе царит на улице Хервэген, 21, за исключением комнаты Джулии. Джулия считает, что Стеффи безнадежна. Мама думает, что ее младшая дочь хороша такая, какая есть, а папа говорит, что Стеффи «линда», что в переводе с испанского означает «милая». По мнению Эдвина, сестренка похожа на куклу, а сама Стеффи понятия не имеет, какая она.

Ее лицо как картина, которую долго разглядывают, пытаюсь понять; ее лицо как слово, которое повторяют до тех пор, пока оно не обретет смысл. Стеффи сама это придумала, и иногда ей кажется, что она – не она.

– Я та, кто я есть, – говорит она своему отражению в зеркале и наблюдает, как шевелятся ее губы. Словно пытается убедить себя в собственной идентичности.

Сейчас она в школе, где считается уродкой. Впрочем, она не заморачивается на этом. За минуту до обеденного перерыва она выходит из туалета и идет на занятия по обществознанию.

Шелстрём полагает, что все уже выбрали тему для проекта. Когда он говорит об этом, бóльшая часть класса поднимает головы, чтобы пуститься в объяснения, почему еще не определились.

«Отговорки, – пишет Стеффи в своей тетради. – Оговорки... Тараторки... Фантазерки».

– Нет, – слышит она усталый голос Шелстрёма. – Вы не можете делать проект по весенней моде, потому что это не связано с наукой.

– Но ведь это тоже изучают, – пытается аргументировать Санджа. – Получается, что и это наука.

– А Морган и Лайнус? Почему вы ничего не выбрали?

– Дело в том, что мы еще не определились, делать проект по математике или по физике. Да еще брат Лайнуса выступал по телику...

«Все эти отговорки», – пишет Стеффи следующую строчку и слышит музыку в голове. Та же басовая линия, что и в «Кларнете», только совсем другая мелодия.

«Вся твоя мораль и долг – туфта, когда перед тобой – такая красота».

– А ты, Стеффи?

Стеффи икает и закрывает тетрадь рукой.

– Не знаю – говорит она, чтобы как-то отвлечься от звучащей в голове музыки. – Ничего не приходит на ум.

Шелстрём поворачивается и быстро подходит к кафедре.

– Тем, кто не может определиться, – говорит он, – предлагаю выбрать тему из имеющегося у меня списка. В четверг все должны представить четкий план проекта. Все ли помнят, что такое выпускной проект? – делает он ударение на слове «выпускной».

Согласно списку, Стеффи может выбрать между глобальным потеплением, Швецией во время Второй мировой войны и приматами. Ну что же... Ее уже и так заклеямили «лесби», «шлюхой» и «вонючкой», так что добавлять к дразнилкам «обезьяну» по крайней мере неразумно.

Она ставит свое имя напротив темы о Второй мировой войне и в то же мгновение придумывает окончание своего стиха:

«...такая красота. Раскрой им глаза».

В голове стучат барабаны, и она уже слышит начало припева.

Она пытается показать текст учителю музыки. Его зовут Торкель, и он равнодушен к бас-гитаре. У него есть классическая гитара, которая стоит девять тысяч шведских крон, и есть

жена, которая держит его в Бьорке. На уроках Торкеля можно узнать почти все о его садовой мебели, о его отвращении к зеленому винограду и необычных обманах зрения. Обсудить тему игры на басу – об этом можно забыть.

Торкель просматривает ее стих и кивает.

– Меня тоже бесят отговорки. Ну-ка, посмотрим. На прошлой неделе тебе нужно было выучить тридцать четвертую страницу.

– И отработать шагающий бас.

– Да, но сейчас я говорю о домашнем задании. Надеюсь, ты обойдешься без отговорок?

Он подмигивает ей, будто читает ее мысли.

Стеффи открывает тридцать четвертую страницу нот.

Когда можно перейти к шагающему басу, у них остается всего пять минут. Ей удается показать переход между В и Е, Торкель смотрит на часы и говорит:

– Именно так.

Но она не дура. Она знает, что это значит: занимайся сама.

Альвар теперь смотрит в окно значительно чаще, чем раньше. Можно было бы подумать, что он стал похож на несчастных стариков, чьи самые яркие моменты дня сводятся к пробегающим по улице кошкам и проезжающим на самокатах детям. Но нет. Он точно знает, кого высматривает. На днях мимо проходила Стеффи, и из ее рюкзака торчал кларнет, что его несказанно порадовало. А сегодня она с гитарой в чехле.

Альвар приоткрывает окно и включает музыку. Не Повел Рамель, конечно, но, возможно, это тоже привлечет внимание Стеффи.

К его радости, девочка останавливается и поворачивается к окну. Он радостно машет ей рукой.

Стеффи врывается в его комнату как ураган – с грохотом. Эррера – испанская, а может, южноамериканская фамилия, это объясняет цвет ее глаз и волос. Похоже, она чувствует себя как дома. Достает инструмент из чехла и смотрит на него.

– Привет.

Альвар кивает, а она говорит:

– Я хотела попрактиковать шагающий бас, но мой учитель не особо вдохновлен.

Поразмыслив над ее словами, Альвар приходит в негодование.

– За семьдесят лет ничего не изменилось! Что же ему тогда нравится, если не шагающий бас?

– Ноты.

Он поднимает брови.

– Ну так?

– Что?

Альвар кивает на бас-гитару.

– Ну?

Для него, в отличие от Торкеля, игра на басу – дело стоящее. Он широко улыбается и выбивает указательными пальцами ритм на подлокотнике кресла.

– Я переходила от Е к А, и у меня не получалось, – говорит вдохновленная Стеффи.

Она показывает, и Альвар задумчиво втягивает нижнюю губу. Затем предлагает ей смешаться вверх.

– Не нужно бояться делать переходы, – говорит он и перебирает пальцами так, как если бы сам держал гитару.

Она пробует сделать то, что он говорит. Звучит лучше. Стеффи воодушевляется и продлевает все снова, затем останавливается и ожидает его реакцию.

– О, да, – смеется он. – Получается грув⁹. Теперь сначала.

– Что?

– Начинай снова. Сначала – так говорят в оркестре.

Она настраивается на ритм его указательного пальца и играет все заново. Альвар увеличивает темп, и она быстро воспроизводит шагающий бас, который с легкостью вписался бы в любой джазовый мотив. Но без усилителя музыка звучит довольно тихо.

– Скоро получится бит.

– Песня?

– В студии это назвали бы битом, – улыбается Альвар, и в его голосе слышится вермландский акцент. – Мне тоже говорили многое, чего я сначала не понимал. Все началось с того, что тот музыкант в поезде назвал меня любителем джаза.

Все началось с того, что мужчина с кларнетом назвал его любителем джаза.

Закончив играть, кларнетист засыпал его вопросами:

– Где ты собираешься остановиться, когда приедешь? У тебя есть наличка, чтобы снять гостиницу?

Наличка? Альвар сделал вид, что задумался. Девушка со светлыми волосами не сводила с него глаз.

Кларнетист улыбнулся.

– «Наличка» означает деньги. Перед выходом в свет надо подготовиться, парень. Давай порепетируем. Если кто-то спросит тебя о наличке, отвечай: «Едва ли». Ну так?

Альвар со смехом сказал:

– Едва ли.

Девушка хихикнула. И так, забегая вперед, прошла почти вся поездка.

– Он, конечно, остановится у родственницы, – подал голос военный с перевязанной рукой. – А вам бы не следовало втягивать молодежь в ваши дела.

Мужчина, приподняв брови, взглянул на разгневанного попутчика.

– Видите ли, я не нахожу никакой безнравственности в джазовых импровизациях типа «ва-ва-ва».

«Ва-ва-ва» он пропел на манер Алис Бабс¹⁰ и подмигнул девушке.

– А что касается моих дел, так я в них никого не втягиваю. Я только втягиваю воздух, чтобы потом дуть в свой кларнет, но пока что это никого не убило.

Альвар затаил дыхание. «Никогда не знаешь, – говорила его мама, – кто тебя слушает, когда касаешься щекотливых тем», а кларнетист задел еще какую щекотливую тему. Папа даже не произносил слова «война», деликатно называя происходящее «несчастьем».

Альвар, видимо, был не единственным в вагоне, кто пожегился при этих словах.

– Кроме того, – невозмутимо продолжил кларнетист, – я не предлагал пареньку прийти в мой оркестр и играть настоящий свинг. А если бы он захотел, ему бы стоило попросить об этом самому.

Сердце Альвара учащенно забилося. Все, что ему нужно сделать, это спросить. Но он никак не мог собраться с духом под пристальными взглядами военного и рассерженной женщины, которая снова схватила девушку за руку.

Как бы так спросить, чтобы не прозвучало нелепо?

Поезд снизил скорость. Пассажиры начали собирать ручную кладь. Мужчина надел пальто и схватил свой футляр, даже не взглянув на Альвара. Момент был упущен.

---

⁹ На сленге джазистов – «красивый звук».

¹⁰ Алис Бабс (наст. Хильдур Алис Шеблум, 1924–2014) – шведская джазовая певица и актриса. Работала с Дюком Эллингтоном, снималась в мюзиклах. Впервые громко заявила о себе в киномюзикле *Swing it, magistern!* («Свингуйте это, учитель!», 1940). Этот фильм можно посмотреть в Интернете, правда, без перевода, но зато почти все будет понятно про свинг.

Поезд в последний раз дернулся и остановился. За окнами был Стокгольм. Проводник открыл двери, и в вагон ворвался запах выхлопных газов и конского помета. Потом донеслись звуки вокзала: гудки паровозов, крики носильщиков, возгласы встречающих. Где-то в этой толпе Альвару надо было найти тетушку Хильду, но это все потом.

Кларнетист уже выходил из поезда, еще минута, и он растворится в толпе. Альвар быстро схватил свои вещи и выпрыгнул на перрон. Догнал мужчину, дотронулся до его плеча. И... лишился дара речи.

Мужчина приподнял брови, как в вагоне.

– Да?

– Я ... Э-э-э...

Альвар сглотнул и покраснел, пытаясь подобрать нужные слова, но стоило какой-либо мысли возникнуть в его голове, как она тут же испарялась.

Мужчина рассмеялся.

– Мы репетируем на Осогатан, сто сорок. согласишься быть на побегушках и поднимать колонки?

Альвар кивнул:

– Да.

Кларнетист протянул ему руку.

– Меня зовут Эрлинг.

Альвар не мог сдержать радости. Первый день в Стокгольме, и он уже попал в группу, играющую свинг.

Эрлинг подмигнул ему.

– Но на наличку не рассчитывай. Подыщи еще какую-нибудь работенку, чтобы были деньги.

Глава 6

– Почему ты так сильно хотел играть именно свинг?

– Ты знаешь, на радио был час граммофонной музыки. Нет, конечно, ты не знаешь об этом. Но так было. Тогда многие семьи сидели у своих радиоприемников и слушали музыку, которая играла.

– Это был джаз?

Альвар смеется.

– Нет, к сожалению, это были в основном классическая музыка и аккордеон. Приходилось слушать Бетховена и игру на баяне, а если каким-то образом просачивался джиттербаг¹¹, все ахали от удивления.

Альвар наглядно демонстрирует реакцию, и Стеффи улыбается – до чего ж забавно морщинистый старик, сидя на вращающемся стуле, рассказывает о тех временах!

– А почему тебе самой так интересно?

– Потому что мне нравится Повел Рамель. Больше всего.

– Да, он очень хорош.

– Но в первый раз я услышала его, когда он уже умер.

– Правда?

– Мне было семь лет. Мама поставила его пластинку, и ...

– ... и джаз захватил тебя, – лукаво улыбается Альвар.

– Больше всего мне понравился «Кокос». Но сейчас мне больше всего нравится «Блюз кузнечиков» и «Шаловливый тромбон».

Она задумывается на мгновение.

– Папа ничего не понимает в этой музыке, потому что ему нравится рок. Мама отдала мне эту пластинку, но разрешила слушать ее только в моей комнате. И это хорошо, потому что у меня появился проигрыватель.

– Да, – говорит Альвар, глядя в левый угол комнаты. – В наши дни тот, у кого был свой граммофон, был счастлив.

Стеффи встает и подходит к граммофону в углу. Нежно касается его, заглядывает в воронку, которая кажется запыленной.

– Это же граммофон, да?

– Конечно, один из лучших. Но он был приобретен много позже. В Бьорке у нас не было граммофона, только радио. А в доме тети Хильды были одни скатерти.

В доме тетушки Хильды действительно было полно вязаных скатертей и салфеточек.

Отыскать место, где они договорились встретиться с тетей Хильдой, оказалось несложно. И это при том, что он все время повторял про себя: «Осогатан, 140; Осогатан, 140».

Тетушке Хильде было семьдесят четыре года. Вместе они добивались гораздо дольше, чем если бы он решил найти ее дом сам. Как только они вошли в квартиру, Альвар сразу же обратил внимание на пыльные скатерти, лежавшие на каждой свободной поверхности. Он не стал ничего спрашивать, хотя ему было любопытно, – списал все на возрастные причуды Хильды.

Быстро осмотревшись, Альвар понял, что радио тут и не пахнет.

«Осогатан, 140», – повторил он снова. Не забыть бы адрес.

– Тетя Хильда, вы знаете, как добраться до Осогатан?

Она посмотрела на него так, будто он чумной или немец.

---

¹¹ Что-то среднее между буги-вуги и рок-н-роллом.

– Не стоит тебе туда соваться.

Альвар даже и не помышлял объяснять, куда на самом деле ему надо было попасть.

Вместо этого он сел на стул, указанный тетушкой, и героически отказался от суррогатного кофе, мол, после него он становится слишком непоседливым.

Старушка как-то сразу приободрилась.

– У тебя наверняка есть с собой что-то из еды?

– Да. Папа дал мне кое-что. И еще талоны...¹²

Она почувствовала себя еще лучше.

– Так приятно видеть тебя здесь. Надеюсь, ты разумный молодой человек?

На этот вопрос можно было ответить только утвердительно:

– Конечно, тетя Хильда.

Альвар держал руки под контролем, чтобы случайно не забарабанить по столу.

Она разрешила ему спать на кухонном диванчике. И первым делом убрала со спинки десять вязаных салфеточек. Альвар был высоким парнем, но тетушка Хильда сочла, что он сможет как-то уместиться.

Как только он найдет работу, будет частично оплачивать аренду, сказал он ей, как велели родители.

Разобравшись со всем, тетушка оставила Альвара одного в кухне, и стало тихо. Но все равно не так, как в Бьорке, где по ночам царила мертвая тишина. Ночь в стокгольмском доме – это целая симфония. Скрипят кровати, орут малыши, кто-то взбирается по ступенькам, спозаранку к работе приступают сборщики мусора.

Альвар лежал на диванчике, скрестив ноги, и слушал Стокгольм. Этим утром он проснулся еще ребенком, которого собирали в дорогу мать и отец. Вечером он был уже молодым человеком, по сути, стокгольмцем.

Эта мысль волновала сердце и мешала уснуть. «Наличка», – повторил он про себя. Коснулся пальцем края дивана и теперь тихонько выбивал ритм, похожий на джаз.

Когда Стеффи вернулась домой, все уже отообедали и сидели перед телевизором.

Папа спросил, где она была.

– У друга.

Джулия недоверчиво посмотрела на нее.

– У тебя же нет друзей.

– Да что ты знаешь?

– Ничего. Да мне и все равно. Кроме того, что ты врешь.

– Перестань, – вздохнула мама. – Стеффи, разогрей себе еду. А ты, Джулия, будь добра, сложи свое постиранное белье.

По телевизору показывают знаменитостей, танцующих с профессиональными танцорами. Эдвин лежит на полу и, подражая им, машет руками. Стеффи заходит в кухню, накладывает спагетти с мясным соусом и разогревает в микроволновой печи. Джулия подбирается сзади, как тень.

– Почему ты врешь?

– Я же сказала, что была не одна.

– Ладно, и как ее зовут?

Стеффи молчит. Она стоит спиной к сестре; соус начинает пузыриться в микроволновке.

---

¹² С началом Второй мировой войны в Швеции были введены талоны на некоторые продукты питания (они назывались «рационированные», то есть самые важные в рационе), чтобы избежать голода и спекуляций.

– Это он! – торжествующе произносит Джулия.

Стеффи не отвечает, и Джулия развивает свою мысль:

– Это парень! Я так и знала! Или на самом деле не знала.

Стеффи вытаскивает спагетти и наливает стакан молока.

– Ладно, – говорит Джулия, – я все равно разужнаю. Все тайное становится явным, сестричка. Это какой-нибудь ботаник, да?

Стеффи ест спагетти, мясной соус немного пролился на стол. Все очень вкусно.

Над Бьорке висит мертвая тишина, но где-то в Стокгольме раздаются звуки джаза. Может быть, даже в Карлстаде.

– Я все выясню, – повторяет Джулия, выходя из кухни.

В гостиной перед телевизором сидят мама, папа и Эдвин. Член жюри разговаривает со звездной парой. Блондинка-танцорша и мужчина, который, по мнению Стеффи, смахивает на известного футболиста.

– Меня впечатлило, что вы осмелились стоять на месте в танго. Не все идут на такой риск.

Эдвин поднимается и упирает руки в бока.

– Я тоже умею неподвижно стоять!

Стеффи проходит в свою комнату. Ставит самую старую песню Повела Рамеля. Сорок второго года, когда Альвар уехал в Стокгольм. Может, ее в то время крутили по радио. Слышатся звуки фортепиано и вокал, а затем, ближе к концу, вступает кларнет, но в ее голове звучит басовая партия.

Она могла бы взять гитару, но не делает этого.

«Альвар не мог взять в руки ни одного инструмента, когда лежал на диване и чувствовал, как джаз заполняет его всего», – думает она и ложится на кровать.

Иногда достаточно просто почувствовать, как сильно хочется играть.

Глава 7

Классного руководителя 9 «В» зовут Сельма, в честь очень известной писательницы, которая тоже жила в Вермланде¹³. Родители другой Сельмы, вероятно, назвали ее так с добрыми намерениями, не подозревая, что она превратится в толстуху, которая будет преподавать в средней школе и получит прозвище «Семла» или в переводе со шведского – пышка, булка.

Пышка стоит перед классом и пытается объяснить важность выбора гимназического направления для дальнейшей учебы. Половина класса уже определилась в пользу автомеханики, программы по рациональному использованию земельных ресурсов или педагогики в Карлстаде, и теперь они шушукаются о резонансном веб-инциденте, в котором замешан чей-то старший брат: парня засняли голым в компании таких же голых людей. Некоторые все же нехотя слушают, что говорит классный руководитель, но только потому, что об этом настоятельно просили родители.

Стеффи тоже слушает, но по другой причине. Это становится очевидным, когда учительница показывает на экране, где нужно нажать, чтобы перейти к национальному допуску.

– Кто-нибудь знает, что означает национальный допуск? – спрашивает она и сама же отвечает: – Это означает, что гимназия может принимать учеников со всей Швеции. Вы можете подать заявку в Гётеборг, Умео, Стокгольм и так далее.

Стеффи выпадает возможность убраться отсюда, и для нее это очень важно. Она чувствует, как пульсирует кровь, когда переходит на главную страницу.

Вот вкладка

«**Национальный допуск**».

«**Программа по эстетике**».

«**Поиск**».

В Стокгольме четырнадцать школ с музыкальной специализацией. Целых четырнадцать! А в Бьорке только продуктовый магазин *Isa* и забегаловка с колбасой.

У некоторых школ есть даже собственные веб – сайты. Стеффи открывает несколько вкладок в браузере. В одной школе ученики, изучающие эстетику и социологию, учатся в смешанных группах. Говорят, что это способствует развитию «творческой и позитивной атмосферы». А Музыкальная средняя школа предназначена для тех, кто хочет стать профессиональным музыкантом.

Карро и Санджа хихикают над фотографиями учеников на сайте, а Стеффи решает, что поедет учиться именно туда. Стокгольм притягивает ее, словно магнит.

– Я собираюсь в Стокгольм, – сообщает она Альвару, когда менее чем через час они слушают «Счастье скоротечно» у него в комнате.

На пластинке Альвара есть только эта и еще одна песня, и когда она заканчивается, они ставят песни на повтор. Звук потрескивает, как огонь в старом камине.

– А когда?

– Я поеду в Стокгольм, чтобы учиться в гимназии с музыкальным уклоном.

– Так ты переезжаешь туда? В расцвете своей юности?

– Да.

Альвар задумчиво кивает.

---

¹³ Сельма Лагерлёф (1858–1940), написавшая чудесную историю про мальчика Нильса, который вместе с дикими гусями облетел всю Швецию (за эту книгу она получила Нобелевскую премию по литературе в 1909 году). Но и для взрослых у нее есть очень интересные книги, например «Сказание о Йосте Берлинге» и «Проклятие рода Лёвеншёльдтов», обе о любви.

- Тогда тебе следует побывать на Осогатан.
- Там, где ты был?
- Да. Несмотря на то, что тетушка Хильда запрещала мне.

Несмотря на то, что тетушка Хильда запрещала, Альвар первым делом решил отправиться туда. Эта мысль сразу же посетила его, когда он встретил свое первое утро в Стокгольме.

Он проснулся с ощущением небольшой тяжести в своих длинных ногах, а тетя Хильда уже варила ему кашу, хотя и дала понять, что на дальнейшее обслуживание рассчитывать не стоит. Она лишь хотела, чтобы он знал, как следует готовить, если вдруг потребуется то же самое сделать для нее. Альвар уже усвоил принципы тетушки Хильды и не возражал.

– Я ведь вчера говорил про талоны, да? Там есть и на кофе... Но они выданы в Бьорке, – сказал он вместо этого. – Думаете, они действительны в Стокгольме?

Кажется, можно было увидеть, как во рту старушки собирается слюна, когда она, жуя воздух, взяла его талоны.

– Это, я полагаю, государственные талоны, а не вермландские. Если повернуть налево у подъезда и пройти мимо большого серого дома, выйдешь на Санкт-Эрикsgатан, где есть оптовый магазин. Если там не примут, передай от меня привет хозяину.

– Еще я хочу подыскать работу.

Хильда по-прежнему вкушала свой невидимый кофе, сопоставляя желание с отсутствием денег, а затем строго кивнула.

– Это хорошо. Я спрашиваю, нужен ли кому-нибудь помощник. Если скажут «нет», спрошу еще где-нибудь. Но только в районах Васастан и Эстермальм.

Хильда немного рассказала о Сёдермальме¹⁴ и о недостатке там культуры, морали и образования. «Сёдермальм», мысленно повторил Альвар, надевая шапку и шарф.

Хильда оглядела его перед выходом из дома.

– Склады, – сказала она, закатывая глаза и завязывая шарф.

– Что?

– Я имела в виду, что спрошу на складах. Нужно говорить правильно, чтобы не вызвать недоразумений.

– Понятно, на складах.

– Тогда увидимся за ужином. Не забудь о кофе.

В оптовом магазине Окессона хозяин долго пялился на Альвара.

– Бьорке. Это не здесь, не в этом районе.

– Это Вермланд.

– Да, точно. Там что, закончился кофе?

Альвар попытался понять, шутит ли он, но лицо мужчины оставалось суровым.

– Нет, просто я только что приехал в Стокгольм. И захватил купоны с собой.

Он пытался произносить слова, как дикторы на радио, но быстро понял, что получается не совсем удачно.

Окессон ухмыльнулся и покачал головой.

– Я пошутил, мальчишка. А имя у тебя есть?

– Альвар Свенссон.

Он прикусил язык.

– Хорошо, – сказал Окессон, рассматривая купон. – Но здесь указано другое имя.

– Альвар Инге Свенссон.

---

¹⁴ Район в центральной части города, расположенный на одноименном острове, сердце Стокгольма. «Слишком роскошный и порочный», по представлениям тетушки Хильды.

– Да-да. Молодой человек, Инге Свенссону по имени Альвар, конечно же, больше двадцати одного года, и поэтому он уже пользуется собственными продуктовыми карточками.

– Я хочу передать вам привет от вдовы Хильды с улицы Торсгатан.

Окессон впервые широко улыбнулся и положил талон в жестяную коробку, которую держал под прилавком.

– Ты тоже передавай ей привет, – сказал он, вручая Альвару заветный пакет с 250 граммами кофе.

Альвар выдохнул с облегчением.

– Я хотел спросить кое-что еще...

– У нас нет шоколада.

– Нет, я не об этом. Я просто подумал, не нужен ли господину Окессону мальчик на побегушках?

– Работать будешь ты?

Альвар кивнул.

– А что, разве это невозможно?

– Насколько я знаю, пока что ты преодолел лишь один путь – от Вермланда до Стокгольма, верно?

– Я быстро учусь.

Зазвонил колокольчик, и в магазин вошел покупатель. Вскоре помещение заполнилось, и Окессон начал прогонять Альвара.

– Подумайте о каком-нибудь задании для меня, – быстро проговорил Альвар. – Увидите, насколько я ловок. Я забегу завтра?

Окессон засмеялся.

– Это была команда под названием «довольно». Давай беги.

Альвар протянул руку, чтобы пожать руку мужчине. Он надеялся, что в его собственном рукопожатии чувствуется вселяющая уверенность сила.

– Тогда до завтра.

Было глупо спрашивать Окессона, где находится Осогатан, 140. Альвар остановил встретившуюся ему на улице женщину, но она лишь покачала головой. Так повторялось до тех пор, пока ему не попался паренек, на вид немного моложе его самого. Мальчишка остановился и выслушал его с нахмуренными бровями.

– Осогатан? Тебе придется пройти приличное расстояние, потому что это на юге.

– Сёдермальм?

– Да, ты знаешь что –нибудь еще на юге?

«Сконе», – подумал Альвар и сказал:

– Тогда я должен тебя поблагодарить.

Мальчишка бросил на него долгий, странный взгляд, прежде чем сел на свой велосипед и уехал.

Такие велосипеды были тут у всех. У них была прочная рама, и они были оснащены багажником. Постепенно Альвар начал понимать, зачем нужен багажник. Он размышлял об этом, шагая по улицам Стокгольма. Как он заметил, люди здесь немного другие – одеты хуже, чем в Бьорке. Дома были уже, и только груды дров так же лежали вдоль улиц.

Он остановил еще одного о мальчишку – их здесь было полно. Тот громко рассмеялся.

– Сёдермальм? Разве вот это похоже на Сёдермальм?

– Не знаю, – честно ответил Альвар. – Я только вчера приехал.

Мальчик приложил руку к уху.

– Ты сказал, что вчера родился?

Настроение сразу испортилось. Альвар не ожидал, что люди в Стокгольме такие непри- ветливые. До этого он полагал, что это только выдумки.

Альвар потер лоб и грустно осмотрелся.

– Запрыгивай – сказал мальчишка. – Прокатимся, и ты уже не будешь выглядеть таким потерянным. – На последнем слове он подмигнул.

Альвара это предложение воодушевило, но больше всего воодушевил тот факт, что не все в Стокгольме были невеждами.

Он несколько раз пытался удержаться на багажнике, но ничего не выходило, и они вместе смеялись над его неудачными попытками.

– Давай ты поведешь, – сказал мальчик. – Я меньше. Но смотри, чтобы ничего не случи- лось с великом. Иначе будешь должен мне сто пятьдесят бабосов.

Альвар не совсем понял, что он имеет в виду, но подумал, что сможет расплатиться при необходимости.

– Ты имеешь в виду наличку? – на всякий случай спросил он.

Мальчик рассмеялся.

– На – лич – ка, – сымитировал он вермландский акцент Альвара. – Ты забавный. А теперь езжай, я дам знать, когда повернуть.

Езда на велосипеде тут отличалась от того, как гоняли в Бьорке. Можно подумать, что относительно ровная мостовая и прямые участки должны были облегчить задачу, но на самом деле приходилось ездить зигзагами между грудями дров, уступая дорогу другим велосипеди- стам, которые с головокружительной скоростью вылетали из переулков и на перекрестках. И нужно было смотреть в оба, когда слышался топот копыт или гудки автомобилей.

– До войны было намного больше машин! – прокричал мальчик. – Раньше ездили на смешанном газу. Налево! Направо!

Затем он крикнул: «Стоп!», и Альвару пришлось остановиться перед самым трамваем.

– Старый город, – объявил мальчишка, когда они ехали по мосту в сторону красивых домов.

Внезапно он спрыгнул с багажника, и Альвар чуть не свалился с велосипеда.

– Мне сюда, а тебе надо еще немного пройтись.

Он взял руль, и Альвар протянул ему руку.

– Тогда я должен тебя поблагодарить.

Улыбка мальчика, когда он пожал ему руку, подсказала, что Альвар, кажется, брякнул что-то очень смешное. Ладно, в следующий раз просто скажет «спасибо».

Альвар испытал особенное чувство на мосту, ведущему к Старому городу. Солнце освещало дома, фонарные столбы и снег, который начал таять, и он почувствовал себя частью сто- лицы. Никто же не скажет вот так сразу, что он только вчера прибыл из провинции.

Он отпрянул от встретившегося на пути трамвая. А затем наконец очутился в Сёдер- мальме.

Слева от него расстилалась водная гладь, а впереди была высокая конструкция на сталь- ных балках. Может быть, это лифт? Справа проносились трамваи, и между ними сновали люди, пытаясь сократить путь. Они что, чувствуют себя бессмертными? Ничего такого, чем страшила тетушка Хильда, он не заметил, но она ведь была стара.

Мимо прошла невероятно красивая девушка в пальто и шляпке. Альвар уставился на нее, а потом остановил пробегающего мимо мальчишку, который указал ему направление. Спустя двадцать минут он был уже на Осогатан.

Глава 8

Улица Осогатан была сплошь застроена каменными домами. В Стокгольме любили камень. С другой стороны, здесь не было львиных голов и величественных арок, которые он видел в других местах. В качестве небольшой компенсации за простоту архитектуры от стен исходил запах пива, многим казавшийся приятным. По мнению тетушки Хильды, на Осогатан Альвар должен был увидеть бездомных, оборванцев и просящих милостыню детей, но люди, которых он встречал, были на удивление хорошо одеты.

При ближайшем рассмотрении в Стокгольме все были хорошо одеты. Только Альвар был в шапке, а остальные ходили в шляпах, которые едва согревали уши. В Старом городе он даже видел дам с муфтами.

Найти дом номер сто сорок было непросто, поскольку не все дома были пронумерованы.

Тут он начал осознать, что Эрлинг дал ему только адрес. Он даже фамилии его не знал. В Бьорке это могло бы сработать, но в Стокгольме – вряд ли.

Взгляд блуждал от окна к окну по каменному фасаду, когда со стороны ворот раздался чей-то голос. Альвар даже подпрыгнул от неожиданности.

– Чего тебе?

У пятидесятилетнего мужчины, окликнувшего его, была такая пухлая нижняя губа, что Альвар, несмотря на то что это могло показаться бестактным, не мог оторвать от нее взгляда.

– Я ... – пробормотал он, пытаясь смотреть в глаза этому человеку, – я ищу мистера Эрлинга, который играет здесь на кларнете.

Губастый мужчина исчез из виду, но быстро вернулся.

– Мистер Эрлинг, – сказал он с иронией в голосе. – Так ты один из них.

Один из музыкантов, один из джазовых музыкантов Стокгольма. Альвар чувствовал всей душой, что был одним из них.

– Верно.

Мужчина сделал к нему шаг, и Альвар инстинктивно попятился.

– Понятия не имею, из какой деревенской дыры ты вылез и что ты замышляешь, но если ты думаешь, что я не сумею отличить этих, то ты еще глупее, чем выглядишь. Вали отсюда!

Сердце Альвара бешено заколотилось. Внезапно пришло осознание, что он никогда не услышит джаз на Осогатан.

Он продолжал смотреть на бесформенную губу мужчины, когда раздался ангельский голос:

– Андерссон!

На глазах у Альвара произошла захватывающая трансформация: губы мужчины вдруг расплылись в искренней улыбке.

– Мисс, – сказал он тоном, в котором зазвенели добрые нотки.

Альвар понял, что покраснеет еще до того, как обернется.

Девушка была старше, чем можно было предположить по голосу. Двадцать один, а может, и двадцать пять лет. Трудно сказать – голос звучал молодо, а одета она была как взрослая женщина.

Глаза у нее были серыми. Альвар еще не знал, что его любимый цвет глаз – серый, а любимый цвет волос – русский. Носик был пухлым и красноватым от довольно холодного воздуха.

Он не издал ни звука, но, к счастью, в этом не было необходимости.

– Мальчишка утверждает, что он из оркестра.

Девушка быстро оглядела Альвара, а его сердце билось все быстрее и быстрее. Ни одна девушка не смотрела на него так раньше, и тем более городская девушка с красивыми серыми глазами и в шляпке.

– Все верно, – улыбнувшись, сказала она и взяла его за руку.

Его... За руку...

Теплая рука спасительницы защищала Альвара от злобного губастого тролля.

Может быть, ему было всего семнадцать, может быть, его можно было заподозрить в некоторой наивности, но он знал, что отныне его бешено бьющееся сердце будет принадлежать ей навсегда. Она стала девушкой его сердца.

Она повела его вниз по лестнице, они прошли через железную дверь. И когда его глаза привыкли к темноте, перед ним открылось царство небесное.

– Что ты там увидел?

– М-м-м?

– Что за царство небесное? Ты остановился на том, что за железными воротами ты увидел царство небесное, а потом замолчал.

– Я задумался.

– Так что же там было?

– Там был оркестр. Но никто пока не пришел, за исключением меня и Аниты.

– Я так и поняла, что это Анита.

Альвар широко улыбается. Его глаза кажутся мечтательными, как у ангела.

– Кто же еще это мог быть?

– И как выглядело это царство небесное?

– Тромбон. Контрабас. Пианино и несколько стульев в красивом, тесном и довольно прохладном подвальном помещении.

Стеффи представляет все совсем иначе: она видит перед собой музыкальный класс, как в школе. Только там вовсе не холодно, даже если это не соответствует действительности.

Музыка стихает, и Стеффи снова подходит к граммофону, чтобы поставить «Счастье» на повтор.

– Там был Повел Рамель?

Альвар переводит на нее взгляд.

– На Осогатан? Нет, не там. Он был уже довольно знаменит, так что это был не тот оркестр.

– Но ты вроде говорил, что Анита была там, где Повел записывал музыку?

– Да, но это было позже.

– А ты видел его?

Альвар встает с клетчатого кресла.

– Да, Повела Рамеля собственной персоной, – говорит он. – Но это тоже было позже. Теперь слушай.

Альвар осторожно снимает граммофонную иглу с пластинки. В комнате повисает тишина, «Счастье» умолкает. Он поднимает пластинку за внешние края и кладет в конверт, затем ставит новую.

Сначала слышны только потрескивания. Затем вступают духовые инструменты. Палец Альвара начинает постукивать по столу, его худощавое тело раскачивается. Кларнет ускоряется и выдает звуки, подобные выстрелам.

Стеффи закрывает глаза. Она представляет, что сидит рядом с семнадцатилетним Альваром и слушает обалденную игру на кларнете по радио. В Европе бушует война, а машины в Стокгольме ездят на смешанном газу.

– Оркестр Гёста Тёрнера, – говорит Альвар, и Стеффи открывает глаза. – А вот теперь слушай!

От соло музыка переходит в аранжированный джаз. Затем начинается соло другого инструмента.

– Это похоже на общество, – говорит Стеффи.

– Правда?

– Да, если подумать. Мы делаем что-то вместе, вместе играем или вместе работаем на какой-то работе, но это все не имеет значения, если у нас нет своей независимой линии, своего соло, которое делает нас особенными.

Альвар улыбается, почти смеется.

– Ты бы понравилась Аните.

– Все утрачивает смысл, если у нас нет своего соло, – повторяет Стеффи, чтобы прочувствовать смысл сказанного.

– Ты знаешь, а это не глупое сравнение. В этом и правда есть смысл. Вот поэтому люди очень любят джаз.

– М-м-м... – говорит Стеффи, поддерживая такт пальцами.

Саксофон издает скользящий звук, он как будто стонет.

Интересно может ли кларнет произвести подобный звук? И сможет ли она так играть?

Оказывается, в своей комнате Стеффи может производить на кларнете всевозможные звуки. Она просто не думала об этом раньше. Отстукивает такт ногой и слушает оркестр в голове. Мысленно напевает и вздыхает в унисон со звуками кларнета. Стоит ей улыбнуться, как воздух вырывается наружу через уголки рта. Ей по-прежнему сложно следовать музыкальному мотиву, но она постепенно подстраивается. И тут дверь распахивается – на нее смотрит Джулия.

– Что за черт, Стеффи?

– Что?

Джулия закатывает глаза, взъерошивает волосы, громко вздыхает.

– Что? Перестань издавать звуки, будто убиваешь животных!

– Мне нужно репетировать.

– Зачем? – Джулия поднимает брови и смотрит на нее.

Да уж, ее не обвинишь в отсутствии мимики.

– Чтобы играть лучше.

– Не прокатит. Чтобы ты знала: папа на кухне затыкает уши, он не может это слышать.

– Неправда!

Джулия выходит из комнаты. Хотя Стеффи почти уверена, что никто не сходит с ума, затыкая уши, она уже не может играть с прежним запалом.

Дело не в сестре, ведь Джулия не соображает в музыке и считает, что Рианна – это вершина таланта. Да будь перед ней хоть Лаки Миллиндер¹⁵ со своим оркестром, это не спасло бы ситуацию – Джулия точно так же ворвалась бы на репетицию и спросила бы, не убивают ли тут животных. Но Лаки Миллиндеру было бы до лампочки, что бы она ни говорила и как бы ни смотрела на него.

После нескольких глубоких вдохов Стеффи следует его примеру. И все же если Джулия будет продолжать так врываться каждый раз, когда она будет заниматься, то останется сделать только одно: найти комнату для репетиций.

От этой мысли ей кажется, что в животе порхают бабочки. Она представляет, как спускается по лестнице в подвальный зал на Осогатан, 140... Проводит пальцами по серебряным кнопкам кларнета, смотрит на бас-гитару, прислоненную к синему столу, и вытягивает шею, чтобы встретиться с собственным отражением в зеркале. Она – Стеффи, и ей нужно свое собственное царство небесное.

---

¹⁵ Миллиндер, Люциус Венабл (1910–1966) – американский ритм-н-блюзовый дирижер. Он не знал нот, не играл ни на одном на инструменте и редко пел, но его потрясающий артистизм и чувство музыки сделали его оркестр невероятно популярным. Не случайно его прозвище было «Счастличик» (*Lucky*), под которым он и вошел в историю – Лаки Миллиндер.

Глава 9

Кажется, кто-то услышал молитву Стеффи о царстве небесном, так как на следующий день Карро заболела.

– У нее рвота, – говорит Санджа, чтобы все слышали, и добавляет, что все это из-за перхоти Стеффи.

Раздаются смешки, и Санджа удовлетворенно улыбается. Но это еще цветочки по сравнению с издевками Карро.

Сегодня хотя бы можно вздохнуть с облегчением. И сегодня Стеффи чувствует себя почти как они. Как и все, решает уравнения и ест картофель с котлетами.

На уроке музыки одноклассники вяло бормочут, читая свои рефераты про Иоганна Себастьяна Баха и Клода Дебюсси. Лайнус засыпает. Остальные прилагают усилия, чтобы не уснуть.

Наконец урок окончен. В классе становится тихо. Тихо и за дверью: больше не слышны ревушие голоса, хихиканье и топот ног – оккупационные силы сдают позиции. Йеркер смотрит на Стеффи.

– Ты что-то хотела?

– Могу я остаться ненадолго?

– Здесь?

– Пока ты не уйдешь. Чтобы порепетировать на бас – гитаре.

Йеркер раздумывает.

– Ладно, я закрою тебя. Вернусь через час. Но ты отвечаешь за все, пока ты здесь.

Проходя мимо Стеффи, он подмигивает и шепчет, что ему не следовало бы этого делать. Она же не знает, что ответить, поэтому выглядит настолько благодарной, насколько может.

В классе стоит пианино, в углу – ящик с бубнами, а на стене висят три гитары. В глаза ударяет яркий свет. Стеффи понимает, в чем дело, и щелкает выключателем. Уличный фонарь за окном превращается в тусклый прожектор, и инструменты обретают тень.

От бас-гитары пол вибрирует, потому что усилитель Йеркера – это как семь усилителей у нее дома. Она играет шагающий бас.

У нее нет с собой пластинок Повела Рамеля, поэтому сначала она проигрывает его музыку в голове, а затем начинает импровизировать. От А к D, потом к E и снова к D. Она напевает мотив немного фальшиво и отбивает такт ногой, и тут внезапно понимает, что играет блюз.

Она, Стеффи, как настоящий блюз-исполнитель в темноте. Бас играет А, D, E, D, находит новые пути, останавливается на синкопах, скользит вверх до А и снова вниз. Из ниоткуда вырастает полноценная мелодия.

Стеффи кладет гитару и достает из футляра кларнет. Ей почти удается сыграть мелодию, даже если получается не супер. Уже подумывает вернуться обратно к басу, но слышит, как Йеркер поворачивает ключ в двери. Он заливается смехом, когда лампы под потолком вспыхивают и освещают ее.

– Я подумал, что ты ушла.

– Мне просто хотелось, чтобы было темно.

– Ясно.

Его неловкое «ясно» повисает в воздухе.

Стеффи делает легкий жест кларнетом.

– Могу я взять кларнет ненадолго?

– Ты научилась играть?

- Немного... Взяла бы до мая, до восьмого.
- Это же целая вечность.
- Спасибо.

Невозможно передать это особенное чувство Альвару. Он сидит в кресле и чертит пальцем в воздухе. Он делает так всегда, когда на аккордеоне играет Тотти Валлен. Его голова качается, как иногда случается у стариков. Но если присмотреться, то он все делает в такт. Стеффи все еще чувствует звучание баса в темноте, но не находит слов, чтобы описать свои чувства. Если только сам Альвар не испытывал такого.

- Ты когда-нибудь играл в темноте?

Альвар тут же наклоняется вперед, как будто вопрос имеет первостепенное значение. Он потирает подбородок.

- Знаешь, когда ты задаешь такой вопрос, я задумываюсь, а играл ли я вообще когда-либо при свете?

Он изумленно улыбается собственному ответу, и Стеффи улыбается в ответ.

- В темноте лучше, – кивает она.

– Чувства обостряются, – говорит Альвар. – И то, что так очевидно при дневном свете, становится...

Его голос обрывается. Стеффи понимает, что он имеет в виду.

- Теоретически, – говорит она. – Но может быть и по – другому.

– Мисс Стеффи Эррера, – говорит Альвар и медленно встает, чтобы поменять пластинку. – Ты права.

Пластинка потрескивает так же, как и другие, но теперь играют только гитары. Одна держит ритм, другая играет басовую партию, а третья ведет линию то вверх, то вниз. Стеффи закрывает глаза, пытаясь прочувствовать мелодию подобно тому, как бывает, когда следишь за кем-то взглядом.

– Это музыка напоминает мне о том, как я следовал за Анитой в подвал, – говорит Альвар спустя некоторое время. – Тогда я видел лишь ее очертания и блеск ее глаз.

В темноте подвала на Осогатан был виден лишь силуэт девушки, имя которой Альвар еще не знал. Вместе с очертаниями пианино и бас-гитары она была для него всем, что представлял собой Стокгольм.

Его неуклюжие движения и звук ее цокающих по полу каблучков отдавались эхом в резонаторных ящиках инструментов. И только слабый свет, проникающий из щели между занавесками, напоминал о существовании внешнего мира.

Девушка плавно прошла в угол комнаты и включила электричество. Лампочка осветила тромбон и пару стульев рядом с пианино. И при этом свете стала очевидной влюбленность Альвара. Сознывая это, он повернулся к девушке спиной и начал внимательно изучать тромбон во всех его сочленениях.

Все, что он знал о духовых инструментах, – это то, что их можно было разбирать и что некоторые из них музыканты называют мундштуками. Впрочем, он был уверен, что девушки ничего не смыслят в инструментах.

- Хороший мундштук, – сказал он тем же тоном, что и его отец, когда говорил о дереве.
- Думаешь?
- Да, довольно хорош.
- Тут кое-что необходимо заменить. А ты играешь?

Она спасла его, сменив тему. Так, бывало, мать выручала отца. Эта девушка была бесподобна, и он был ей искренне благодарен.

- Да, на гитаре.
- Я не знала, что они возьмут гитариста.

Альвар не ответил. На узкой лестнице, ведущей в подвал, послышался шум, на пороге появились Эрлинг и еще какой-то мужчина.

Эрлинг удивленно рассмеялся, увидев Альвара, и по-приятельски похлопал его по плечу.

– Парниша. Мы только что говорили о тебе. И, как я понимаю, ты уже познакомился с Анитой.

Анита. Могло ли быть более красивое имя? Альвар проговорил его про себя, не шевеля губами, разрываясь между разочарованием от того, что он больше не наедине с ней, и облегчением от этого.

Товарищ Эрлинга сел за пианино и взял аккорд. Инструмент был настроен не идеально, но так и должно быть, когда играешь джаз. Что-то новое рождалось здесь, в подвале, где Альвар находился с двумя музыкантами и богиней. Эрлинг собрал свой кларнет за пять секунд и начал играть попури. Чистая импровизация. Не по нотам, а как хочется.

Из-за тусклого света углы в помещении казались черными и размытыми, как на фотографии. Или как в кино. Взгляд Аниты был прикован к рукам пианиста, а Альвар мог полностью посвятить себя разглядыванию девушки, пока джаз проникал в каждую клеточку его тела.

Руки Аниты были узкие и с выпуклостями. Кончики пальцев мягко заострены, и она играла ими на коленях, как на невидимой клавиатуре.

Альвар посмотрел на свои руки. Они тоже начали играть: левая рука зажимала невидимые гитарные струны и брала аккорды, которые никто не слышал. И если Эрлинг и его напарник были видимым дуэтом, то он и Анита – невидимым.

Единственное, намекавшее на то, что прошло уже много времени, – это щель между занавесками, висящими на окне. Там была тьма, которая постепенно окутывала их. К тому времени Эрлинг уже сыграл «Летнюю пору», «У меня есть ритм» и другие вещи, которые Альвар никогда не слышал прежде.

Время как будто утратило свой контроль над жизнью, и теперь было уже так поздно, что придется возвращаться на Торсгатан бегом и по дороге придумать подходящую ложь, ведь это был его первый день у тетушки Хильды. Он был искренне расстроен, потому что ему было пора уходить. Но, к его радости, Анита тоже засобиралась.

– О боже! – воскликнула она, торопливо собирая свои вещи. Как будто была обычным человеком, а не богиней.

Они неслись по улицам Стокгольма. Альвар на своих длинных ногах – как отважная долгоножка, Анита – как яркая бабочка в шарфе и пальто. В ее глазах плясали смешливые искорки, но когда она взглянула на уличные часы, в глазах мелькнул страх.

Увидев трамвай, она запрыгнула в него и ободряюще посмотрела на Альвара.

– Ты можешь добраться на нем до Центрального вокзала, – сказала она, запыхавшись.

Скажи она, что трамвай идет в Германию, Альвар все равно бы не раздумывал. Не имея денег на билет, он стоял рядом с ней среди других стокгольмцев.

– Хассе Кан¹⁶ играет в «Налене» в субботу, – прошептала она ему на ухо. – Придешь?

Он мог только кивнуть. Чтобы заверить ее, он сделал это дважды, второй раз более четко. Она засмеялась.

– Это будет замечательно! Тебе здесь выходить. Васастан – туда.

Альвар вышел, смутно представляя, куда указала Анита. Он все еще чувствовал ее дыхание. Все было именно так, как он думал: Стокгольм был полон чудес. Во-первых, кондуктор трамвая не подловил его. Во-вторых, он все еще держал упаковку с двумястами пятьюдесятью граммами кофе, которые должны были утешить тетушку Хильду, а потому она не станет писать матери ничего дурного. Теперь остается узнать, что из себя представляет «Нален».

---

¹⁶ Кан, Ханс Оке («Хассе») (1923–?) – шведский композитор и джазовый музыкант. Он снялся в фильме «Любовь, солнце и песни» (1948) и написал «Блюз кузнечиков», который нравится Стеффи.

– Это был клуб, верно?

Стеффи осмеливается предположить, потому что она тысячу раз читала о Повеле Рамеле, который играл в «Налене».

– Можно и так сказать. Это было огромное заведение, его не сравнишь с маленькими джаз-клубами в любом другом городе.

– Кроме Бьорке.

– Тоже нет. «Нален» не сравнишь ни с маленькими, ни с большими джазовыми клубами. Это нечто большее.

Альвар задумывается и расползается в улыбке.

– Наверное, прошло уже лет пятнадцать с тех пор, как я был там в последний раз.

– А в Вермланде есть такие?

Альвар смотрит ей в глаза, затем подмигивает.

– Одно можно сказать наверняка, джаз есть везде и никогда не умрет. Теперь уж я точно не знаю, потому что медсестры здесь не очень хорошо разбираются в джазе, но и они не могут обойтись без синкоп в Карлстаде¹⁷.

Стеффи смеется. Она как раз собирается рассказать Альвару о своей сегодняшней репетиции на басу, когда в дверь стучат и на пороге показывается медсестра.

– Пора ужинать.

Альвар исчезает в направлении того, что называется столовой. Он идет быстрой и уверенной походкой, не сравнить с шаркающими тетеньками и старичками в инвалидных колясках. Стеффи испытывает чувство гордости: ее старичок, без сомнения, лучший в округе.

Когда она проходит мимо последней двери в коридоре, дверь неожиданно распахивается и седовласая маленькая женщина сердито смотрит на нее.

– Что ты здесь делаешь?

Стеффи в испуге делает глоток воздуха, и ей приходится откашляться, прежде чем она может хоть что-то сказать.

– Ну так?

– Я навещала Альвара.

– Тебя не должно быть здесь! Ты здесь никому не нужна!

Из другого конца коридора спешит медсестра.

– Свеа! – кричит она ласково. – Свеа, пора ужинать! Эта девушка была в гостях. Она очень милая.

Свеа все еще смотрит на Стеффи.

– Она не добрая.

– Это неправда.

– Она – ведьмино отродье, – шипит Свеа, и у Стеффи подступает ком к горлу.

– Я добрая, – шепчет она.

– Ты врешь, – медленно говорит Свеа, наслаждаясь эффектом.

Медсестра кладет руки на плечи женщины, но та сердито ее отталкивает. Медсестра извиняюще смотрит на Стеффи, пока та пятится к двери и пытается улыбнуться.

Стеффи выходит через парадную дверь, прислоняется к ней и устремляет взгляд на заснеженные ветви яблонь.

– Я добрая, – говорит она тихо.

Никто не отвечает. Снег все так же лежит на ветвях, облака все еще плывут по небу, а она стоит на крыльце дома престарелых.

---

¹⁷ Альвар так пошутил. В музыке синкопа – это смещение акцента с сильной доли такта на слабую, а в медицине – кратковременный обморок.

Ее басовая партия возвращается, и она думает об этом всю дорогу до дома. A, D, E, D, с синкопами. Без них никак не обойтись.

Глава 10

Это замечательная идея.

Ее отец просто ничего не понимает. Он расстроен. Это слышно по тому, как он произносит «в» вместо «б», и видно по тому, как меняется выражение его лица.

– Что скажешь? – восклицает он, и его всегда спокойные глаза кажутся бешеными. – С кем ты связалась?

– Я же говорю, что это друг. Хоть он и старый.

– Я не разрешаю тебе больше беседовать с тем человеком. Ты меня поняла? В следующий раз, когда он захочет с тобой заговорить, ты скажешь: «Нет, к сожалению, мой папа не разрешает нам больше встречаться». Все понятно?

Стеффи переполняется гневом, из глаз льются слезы.

– Да что ты понимаешь? – кричит она.

– И о поездке с ним в Карлстад не может быть и речи.

С Эдуардо Эррерой бесполезно что – либо обсуждать. Даже непонятно, как они могут быть родственниками, когда она способна так много понять, а он – ничего. Стеффи хочет крикнуть «Но!», как это обычно делает Джулия, однако решает не опускаться так низко.

Вместо этого она закрывает дверь как можно плотнее и ложится на кровать с гитарой. Переходит от А к D, потом к E и снова возвращается к D. Синкопы на каждой второй сильной доле и иногда – шагающий бас с полутонами. Ей нужно отправиться в джаз-клуб. Любой, у кого есть уши, понял бы это. И ей нужно пойти туда с Альваром.

Дверь открывается без стука. Из-за охватывающего ее гнева Стеффи позволяет себе по сильнее ударить по D. К своему невольному восторгу, она обнаруживает, что это звучит как слэп¹⁸. Однако в комнату входит не Эдуардо Эррера.

– Папа вне себя от злости, – говорит Джулия, прислонившись к стене. – Потому что ты хочешь поехать в Карлстад с этим чуваком.

Стеффи вздыхает и снова бьет по басу, чтобы сделать слэп; звук эхом разносится по комнате.

– Это даже не парень.

– Я знаю. Это что-то отвратительное. Папа, избегая подробностей, говорит про «этого человека».

Джулия точь-в-точь имитирует произношение папы. Звучит забавно, и Стеффи почти улыбается.

– Это даже никакой не ботаник. Это просто старичок.

– Вот – вот, и это же еще ужаснее. Скажи, ты ведь знаешь, что однажды Фанни чуть не изнасиловали?

Нет, Стеффи не знала об этом.

– В любом случае не Альвар, – говорит она.

– Откуда тебе знать? Ты же не знаешь, чем все закончится, если будешь вести себя так и дальше.

– Он очень стар, постарше наших бабушки и дедушки. Он живет в «Сольхеме» и слушает свой граммофон. Вот почему.

Джулия приподнимает брови. Выражение ее лица делается скептическим и удивленным одновременно.

– В «Сольхеме»?

---

¹⁸ Слэп (слэпинг) – техника игры на бас-гитаре, удар фалангой большого пальца о струны.

Стеффи кивает и закрывает глаза, не обращая внимания на то, что только что «сдала» Альвара. А Джулия громко смеется – ничего себе, сестричка тусуется в доме престарелых! Когда она уходит, Стеффи снова репетирует слэп. Лучше всего он звучит на Е, но она пробует и на других струнах.

Через две минуты в дверь стучат. В семье Эррера никогда не будет покоя. Входит папа с задумчивым лицом.

– Этот человек ... – говорит он. – Джулия сказала, что он пенсионер?

– Мгм.

– Из «Сольхема»? Совсем старый?

Стеффи проводит пальцами по струнам, не играя.

– Насколько я знаю, ему было семнадцать в сорок втором году.

Папа кивает, подсчитывая возраст в уме. Потом садится рядом с ней и похлопывает по гитаре.

– Я все неправильно понял, – говорит он совсем другим тоном. – Но все же я не понимаю, как ты оказалась в «Сольхеме»? Разве ты не слишком молода для всего этого?

Он подмигивает ей. Папа всегда отпускает неудачные шуточки, хотя Эдвин все еще думает, что они смешные.

– Я просто развита не по годам, – говорит Стеффи. – Вот меня и поместили туда.

Папа смеется и взъерошивает ей волосы.

– Стефанита. Могу ли я поговорить с этим загадочным человеком? Тогда посмотрим.

Стеффи улыбается, когда он встает, и тут же начинает переходить от А, D, Е и снова к D. Прежде чем закрыть дверь, папа оборачивается.

– Можешь поблагодарить свою сестру.

Когда Стеффи и ее отец приходят в дом престарелых, Альвар не открывает им дверь. Стеффи стучит снова, чуть посильнее, на случай если он спит. Но дверь закрыта, и через замочную скважину не слышен джаз.

Папа смотрит на нее.

– Может, нам поискать медсестру?

Стеффи тоже так думает.

– Есть тут одна добрая...

– Только одна?

– А еще может случиться, что мы встретимся со Свеа... Эта Свеа немного не того.

Стеффи строит подходящую гримасу, а папа понимающе кивает:

– Ты знаешь это место.

– Ну, немного...

Первая медсестра, которую они встречают, не самая доброжелательная в представлении Стеффи. Но на этот раз женщина улыбается и протягивает руку папе. Когда они спрашивают об Альваре, она указывает им на столовую.

– Но он ничего не говорил о визите, – настораживается она, и папа отвечает, что Альвар мог об этом просто забыть.

– Да, тут такое случается, – кивает медсестра, и папа смеется.

Они находят Альвара в углу столовой. Он сидит за столом в компании старушек, но, увидев Стеффи, сразу встает, как если бы она была очень важным гостем. И тут старушка в сером, сидящая к ним спиной, оборачивается и протягивает в сторону Стеффи костлявый палец, искривленный подагрой.

– Ты, – шипит она, но на этот раз Стеффи не пугается.

– Это Свеа, – шепчет она папе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.